

Литературному объединению металлургов комбината — «Магнит» исполнился год. Из небольшой группы любителей поэзии «Магнит» вырос в организацию, насчитывающую в своих рядах свыше 20 человек — самодеятельных поэтов и прозаиков.

Александр ПАВЛОВ

Руки

Благославенне плодотворной муке,
когда верша вседневные дела
тяжелой кровью набухают руки —
два гордых человеческих крыла.
Два откровенья с долгом к сотворенью,
две правды о душе и о лице,

две тяжести живительских мгновений,
вращающихся в мускульном кольце.
В разбеге вен, клокочущих и вздутых,
с размаху рассекая маету,
восходят руки над мерцаемь суток
в сиянье жил и ледяном поту.
Так торжествуй, пульсируй и гори,
упорно потрясающее вечность
созвездье Рук, тяжелых, человеческих,
с Поэзией и Разумом внутри!

Виктор ПАВЕЛИН

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

Великое русское сердце
не стонет от бурь, непогоды,
в суровые, трудные годы,
в поклон не пойдет к иноземцам.
Оно непреклонно и страстно,
страдает и искренне любит,
и волю свою не погубит,
и смерти оно не подвластно.
Не плачет от тяжелой печали,
в беде закрываться не станет,
от друга оно не отстанет —
на помощь придет через дали.
Свободу, как ветры июля,
оно полюбило навечно.

И в нем не убить человечность
ни злобой, ни черною пулей.
И все-то оно одолеет
мудрее любого умельца.
В работе горячее сердце
становится трижды сильнее.
Пред ним разбивается косность,
сдвигаются реки и горы.
Оно, побеждая просторы,
азлетело в неведомый космос.
А если войной иноземцы
попытаются взять его силой —
то встанет единой Россией
бесстрашное русское сердце.

Михаил МИХЛИН

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Налетела вдруг гроза шальная,
листьями берез затрепетав,
струями воды играя...
И ушла, оставив запах трав.
Воздух от волнения голубой,
на траве алмазов россыпь,
а над ней и прямо надо мной
жаворонок пел громкоголосый.
Он хотел мне небо рассказать,
трепетал, что я не понимаю,
как прекрасно в синеве летать,
как я жалок тем, что не летаю!
Глупый. Он совсем не знал меня,
выводил мелодию свою...
Он не понимал, что это я
вместе с ним о Родине пою!

ШУТКА

В детстве я любил конфеты.
И футбол.
Я многое любил.
Получал на многое ответы...
Хорошо я, в общем, в детстве жил!
А потом трудней пошли задачи,
и ответ неоднозначен стал.
Я тогда, конечно, мало значил,
потому что очень мало знал.
А теперь?
Теперь я больше знаю,
знаю, но не значу, и шучу,
что стихи пишу — слова слагаю,
мало зная — многого хочу.

ЛУЧ

Тягучий стон.
И скрип тягучий.
Тяжелый сон.
Сквозь лес дремучий,
прорезав темь
своим мечом,
пролился день
одним лучом.
Он осветил
лесную прель,
и мрак, и гниль,
старушку-ель,
клочок земли,
валежник, мох...
Он был один.

И что он мог?
Он светел был,
красив и чист,
и так светил
потокм вниз,
что веселей,
попав в поток,
казались ель
и бурый мох.
Столбом из света
он к солнцу рос,
и в небе где-то
в одно слилось
сиянье солнца
в кругу вершин,
как сквозь оконце,
и бездна — синь!

КАК всякий деревенский карапуз,
рожденный еще до войны, я мечтал
погонять лошадуку серебристым
ивовым прутом. Но началась война,
и всех лошадуку в нашей деревне
забрали фрицы. Впрочем, мне хватило
бы и той, что на колесиках. Но сельпо
при фрицах не работало, значит не
было и ипрущеных лошадуку. И все-таки
я нашел себе резвого окаянуна.
Это была простая тычинина, оседлать
которую ничто не стоило. Одно плохо,
кричать «иго-го!» приходится самому.
Но прежде чем закричать «иго-го!»,
надо подстегнуть лошадуку ивовым
прутом — в нашей деревне до
войны все так делали. А ивового прута
у меня не было. Жили мы тогда с
мамой, бабушкой и дедом в чулане,

и сам чувствуешь себя партизаном.
Только незачем говорить, что ты партизан.
Пусть все, даже бабушка, мама и дед,
думают, что ты просто играешь в лошадуку.
Этому легко поверить, потому что в руке
у тебя ивовый пруток. Но-о, иго-го!
— А меня прокатаешь?
Смотрит на меня с той стороны из
города девчонка.
— Тебя как зовут-то? — спрашиваю.
— Леной, — отвечает. — А тебя я
знаю. Ты соседский Витька.
— Я не соседский, это ты соседская.
— Не спорь, — говорит, — все мы
советские.
Умная. Но и я не глупый. Что за

Виктор ТУМАНОВ

Настоящий ивовый пруток

ИЗ ЦИКЛА «ЕДВА ВОЙНА ОТПОЛЫХАЛА»

а пятистенку занимали фрицы. И когда
дедушка засунул за жушак топор,
они закричали: «Партизан!» и до крови
избили его. А дедушка хотел только
сходить к речке за ивовым прутом.
Бабушка ничего с собой не взяла и
вернулась с прутом подмышкой. Подол
ее длатя спереди порвала овчарка.
Какой-то фриз нарочно спустил
ее и, когда бабушку сбита собака,
то он сам тоже чуть не упал — от
смеха. Но это был добрый фриз. На-
смеявшись вволю, он отозвал овчарку.
Теперь у меня был настоящий иво-
вый пруток, я мог кричать «иго-го!» и
обгонять ветер на собственной лошадуке.
Правда, только на огороде.
Мама сказала, что овчарками в деревне
хоть пруд пруди, и они с высунутыми
языками ждут не дождутся той минуты,
чтобы съесть карапузика вместе с
прутом и тычинной. А на огороде мне
никто не мешал. И в ту пору хитрости
у меня было хоть отбавляй. Я не скакал
посреди огорода, где меня увидели бы
с четырех сторон света и даже с неба.
Любой, наверное, поймет, что во время
войны лучше всего держаться в тени
изгороди, где еще и вишни растут. Когда
летишь на резвом коне под вишнями,
то впечатление такое, как будто находишься
в глухом лесу, где бесстраш-

игра на палке, да еще вдвоем? Вдруг
переломится?
— Давай, Лена, ты будешь лошадукой?
— Я тебя не доведу.
— И не надо. Ты беги впереди и кричи
«иго-го!», а я тебя подгонять буду.
— Только по ногам не бей.
— Лошадуку по ногам не стегают,
по бокам — другое дело.
— Ладно.
Побежала она впереди меня, я тихонько
ее прутом подгоняю. А когда мы на рысь
перешли, она забыла, что надо кричать
«иго-го!». Я стегнул ее сильнее. Она
остановилась и заплакала.
Хотел я сказать, что не ее бил, а
лошадуку, но Лена вдруг плакать перестала.
— Прячься, — шепчет, — скорей! Нас
фриц убивает!
Оглянулся я — стоит у навозной кучи
фриц и быстро-быстро какой-то шутовской
щелкает, дулом застекленным в нас
целится. Проскочили мы на ленкин
огород, слышим: фрицев сапоги по
опавшей листве шуршат. Потом все
стихло. И Ленка опять заплакала.
— На то, — успокаиваю ее, — и игра,
смотри, как пруток вжикает.

МАГНИТКА

Там, где огнями полыхают дали
в восходе щедрых солнечных лучей,
стоит Магнитка на реке Урале —
гигант и крепость Родины моей.
А в этот край, суровый и богатый,
Мы в дни тридцатых, пламенных годов,

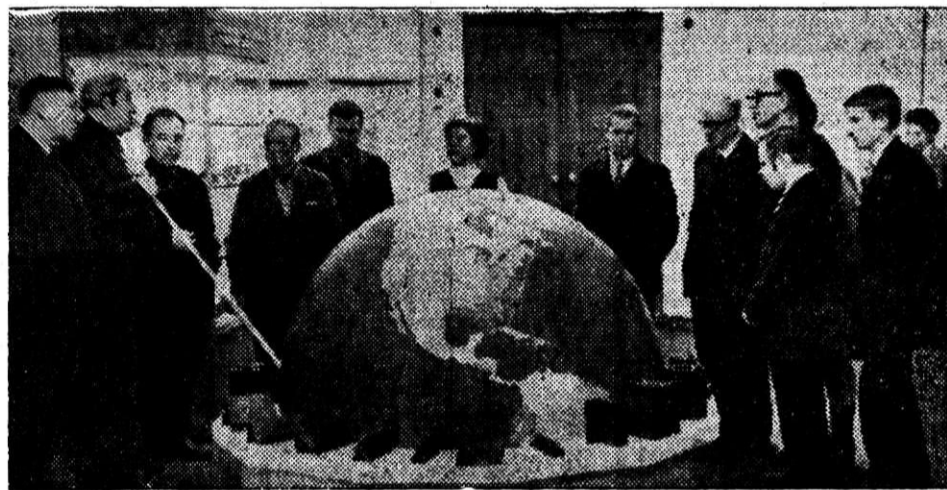
за сотни верст приехали когда-то
из разных сел, из разных городов.
Мы шли вперед степной уральской далью,
каменем строек отмечая дни,
и нам сердца в палатках согревали
на пустырях зажженные огни.

Глеб МУКМИНОВ

НОЧНАЯ СМЕНА

Летят неслышно ночи над постелью...
И снова в цех, утаптывая снег.
А в небе синем, согревая землю,
горят костры загадочных планет.
И не смолкает гул могучих станом,
и с ними, словно песни, — голоса.

Я часовым у этих песен встану,
не уронив усталые глаза.
Ночная смена — смена не из легких,
конечно, прозаичнее других...
Но мощный голос перестуков звонких
своим трудом отковывает стих.

В заводском музее.

Фото Н. Нестеренко.